

—

На следующее утро, рано проснувшись, наложница Ван, узнав, что Цзинь И ночевал в комнате Чжаояня, с волнением в сердце направилась с двумя служанками во двор Чжаояня.

Когда наложница Ван пришла, отец с сыном только что умылись.

Наложница Ван поприветствовала их и сказала Цзинь И: «Сейчас погода потеплела, и зимние одеяла слишком толстые. Я боюсь, что Янь-эру будет неудобно спать, поэтому пришла посмотреть, вовремя ли служанки их сменили».

Цзинь И сказал: «Не толстые, прошлой ночью мне спалось как раз хорошо».

Чжаоянь сказал: «Их уже сменили, дядя Мин несколько дней назад попросил сестру Лю Син помочь мне их поменять».

«Хорошо, что сменили», — улыбнулась наложница Ван и спросила: «Господин собирается завтракать у старой госпожи?»

«Я попозже пойду к старой госпоже на обед».

Наложница Ван обрадовалась: «Господин, если не возражаете, позавтракайте у меня? Вчера на медленном огне варили кашу с морепродуктами, и свежие ростки овощей уже заправлены».

Цзинь И немного подумал и согласился. Чжаоянь всё же пошёл к старой госпоже, а перед уходом сказал отцу: «Папа, приходи к нам пораньше!»

Цзинь И и наложница Ван вместе пришли в покои наложницы Ван. Каша, овощи и прочее были поданы на стол. Наложница Ван усердно прислуживала, но Цзинь И сказал: «Не суетись, в армии я привык есть сам».

Наложница Ван села рядом, составляя ему компанию. Выпив несколько глотков каши, она осторожно спросила: «Господин не сердится на меня за жертвование в Таньчжоу по приглашению седьмой принцессы?»

Цзинь И сказал: «За что мне тебя винить в этом деле?»

Наложница Ван поставила миску, вздохнула, выглядя немного расстроенной: «Из-за этого я поссорилась со многими в поместье».

«Что случилось?»

Наложница Ван, искусно владея языком, снова переиначила свои слова, сказанные в тот день старой госпоже, так, что Цзинь И часто хмурился. Когда она закончила свою исповедь, он лишь сказал: «Старая госпожа не лишена здравого смысла. Если что-то случится, тебе следует хорошо с ней посоветоваться».

Наложница Ван не поняла, каково же мнение Цзинь И, и её сердце заволновалось. Внезапно её осенила мысль, и она продолжила: «Жертвования в поместье привели к тому, что нам пришлось экономить на Новый год. Я значительно сократила свои собственные расходы, но Мин Гунцзы...»

«Что с ним?» — Цзинь И перестал есть палочками.

Наложница Ван сказала: «Перед Новым годом пришёл человек, назвавшийся другом господина, и сразу попросил займы тридцать тысяч лян наличными. Господин Фу Мин пришёл ко мне за деньгами, но я сразу не согласилась. Во-первых, сумма слишком велика, а во-вторых, этот господин Фань обычно не общается с нашей семьёй, и пришёл просить денег, когда вас, господин, нет, и кто он такой...»

Господин Фань? Неужели Фань Чжи? Цзинь И подумал: неудивительно, что на вчерашнем банкете Фань Чжи, который никогда не льстил, подошёл, чтобы поднять за него тост и поблагодарить. Он думал, что тот благодарит его за службу стране и народу, но, похоже, была другая причина.

Размышляя об этом, Цзинь И спросил: «Как потом разрешилось это дело?»

Наложница Ван ответила: «Я не согласилась выделить деньги, но Мин Гунцзы, будто проглотил камень, настаивал, что этот господин Фань — ваш близкий друг, и даже упрекал меня. Он — законная жена, и я, наложница, не должна была ему перечить, но раз старая госпожа временно поручила мне вести хозяйство, я должна была поставить общее выше личного, даже если бы это обидело Мин Гунцзы. Этих денег я не дала. Слышала, что Мин Гунцзы использовал свои собственные приданные деньги. Господин, простите мою откровенность, в тот день наш дом отправил много свадебных подарков, но его приданое не составляло и половины. Хотя это приданое временно принадлежит Мин Гунцзы, но он, не спросив вашего согласия, самовольно одолжил его человеку неизвестного происхождения, это уж слишком...»

У Цзинь И полностью пропал аппетит. Он сказал: «Я всё понял, тебе больше не нужно ничего говорить. Я сыт, ешь сама».

Сказав это, Цзинь И встал и ушёл.

Во дворе Фан Мань Тин Фу Мин читал модную ныне газету. Эта газетка, казалось, издавалась людьми, имеющими связи, и содержала смесь правдивых и выдуманных новостей о дворе, продаваясь каждое утро и быстро раскупаясь.

В сегодняшней газете было несколько заметок о вчерашнем возвращении Цзинь И и других. Даже то, что сказал император на банкете и что ответил Цзинь И, было написано весьма правдоподобно, как будто это действительно произошло. Кроме того, там было напечатано стихотворение, продекламированное наследным принцем.

Прочитав, Фу Мин решил, что это стихотворение должно быть написано наследным принцем. Наследный принц любил литературу, прекрасно разбирался в поэзии, стихах и песнях. Когда-то он опубликовал сборник «Ветер и мысли», который долгое время пользовался большой популярностью в народе. Фу Мин тоже читал его и знал поэтический стиль наследного принца. Кроме того, это стихотворение было написано достаточно хорошо, и обычный грамотный человек не смог бы его сочинить.

Возвращение армии с победой и стихотворение наследного принца в честь этого — это было вполне естественно. Прочитав стихотворение ещё раз, Фу Мин невольно вздохнул про себя, а затем рассмеялся.

Смех донёсся до Цзинь И, который как раз вошёл в дверь. Цзинь И спросил: «Что так смешно?»

Фу Мин поспешно отложил газету, встал навстречу и ответил: «Читал стихотворение

наследного принца, прочитанное прошлой ночью». С этими словами он передал газету Цзинь И.

Цзинь И взял её, просмотрел и сказал: «Это действительно то, что наследный принц продекларировал вчера вечером. В чём проблема?»

Память Цзинь И была поразительна, но он помнил, не понимая. Фу Мин сказал: «Это стихотворение, судя по поверхностному тексту, действительно восхваляет заслуги. Но наследный принц использует аллюзии, как соль, растворяющаяся в воде, не оставляя следов. Если не вникнуть глубоко, боюсь, трудно понять истинный смысл».

«Как так?»

«Использование императора У из Хань для обозначения нынешнего императора и Хо Пяояо для обозначения господина — и это не говоря уже о том, что господин на этот раз подавил внутреннее восстание, а не отражал внешнего врага. Если внимательно изучить выбранные исторические события, то в них на самом деле скрыт большой смысл. На первый взгляд, это кажется гармоничными отношениями между правителем и подданным, расширяющим границы, но при более глубоком рассмотрении это ведёт к тому, что один издаёт указ, признающий свои ошибки, а другой умирает в молодом возрасте. Это — намёк наследного принца на то, что военная мощь не подходит для управления страной, и что все воины — это злодеи».

Цзинь И, услышав это, снова внимательно прочитал длинное стихотворение, а затем, отложив газету, вздохнул: «Наследный принц всегда предпочитал литературу войне, это не удивительно».

Фу Мин кивнул и сказал: «Мне не следовало затрагивать дела двора, на этот раз я превысил свои полномочия».

Цзинь И покачал головой, вспомнив, зачем пришёл, и спросил: «Перед Новым годом брат Вэньсу приходил в поместье, чтобы попросить денег взаймы на неотложные нужды. Это ты дал ему свои деньги?»

«Да», — ответил Фу Мин. «В поместье есть свои правила, поэтому мне пришлось так поступить».

Цзинь И увидел, что Фу Мин не хочет много говорить, и сам не стал допытываться. Он примерно понял суть дела и лишь спросил, были ли деньги возвращены.

«Несколько дней назад всё было полностью возвращено».

Цзинь И сказал: «Брат Вэньсу — человек слова. На этот раз, к счастью, ты был рядом».

Фу Мин покачал головой и улыбнулся: «Это то, что я должен был сделать».

Цзинь И, услышав это, почувствовал легкое волнение в сердце: разве это его долг — помогать его другу в беде? Почему? Если бы он действительно считал Фу Мина самым близким человеком, то слова Фу Мина не вызвали бы у него смущения. Но, вспоминая прошлое, сколько он сам сделал? Как Фу Мин вёл себя после прихода в поместье?

Постепенно Цзинь И погрузился в свои мысли. Все прошлые события, которые он когда-то игнорировал, одно за другим всплывали в его памяти.

«Господин?»

Легкий оклик Фу Мина разбудил Цзинь И. Он очнулся, посмотрел на тревожный взгляд Фу Мина и непроизвольно протянул руку, нежно погладив его бледное и красивое лицо. Фу Мин замер, почти затаив дыхание.

Рука Цзинь И лишь слегка коснулась и тут же отдернулась: «Впредь я буду относиться к тебе хорошо». С этими словами он ушёл быстрым шагом, хотя его фигура казалась не такой устойчивой.

Спустя долгое время Фу Мин поднял руку и коснулся своей щеки, ощущая необычное тепло на кончиках пальцев.

После триумфального возвращения Цзинь И следовало бы устроить пир, но старая госпожа знала, что её внук не любит суеты, и что самый тёплый ужин — это когда за столом собираются только самые близкие, и старая госпожа наслаждалась этим.

Когда Цзинь И сел, он увидел рядом с собой старую госпожу, Жэньлань и Чжаояня — действительно, все они были кровными родственниками, но Фу Мина не было.

Старая госпожа не позвала Фу Мина потому, что не признавала его, не любила, или из-за него самого? Она думала, что он по-прежнему не считает Фу Мина своим супругом, поэтому и исключила его из такого собрания?

Старая госпожа, видя, что Цзинь И, кажется, чем-то озабочен, спросила: «Чжанцзе, еда тебе не по вкусу? Или у тебя есть какое-то важное дело?»

Цзинь И покачал головой, подавил свои мысли и вместе со всеми наслаждался вкусом долгожданной встречи.

После ужина, за чаем, старая госпожа затронула тему удержания наложницей Ван денег у слуг перед Новым годом и сказала: «Она теперь стареет, и сердце у неё становится жаднее. Вероятно, она уже много чего тебе наговорила, но ты сам должен знать, чему верить, а чему нет».

Цзинь И кивнул и сказал: «Старая госпожа права, внук понял». Сказав это, он снова упомянул о том, что Фань Чжи приходил просить денег взаймы.

Старая госпожа нахмурилась: «И это тоже? Я даже не знала».

Цзинь И сказал: «Сейчас делами по дому занимается наложница Ван, поэтому Фу Мин, вероятно, не мог напрямую обратиться к вам. К тому же, у брата Вэньсу была срочная ситуация, он не мог ждать».

Старая госпожа вздохнула: «Нинсюэ в детстве была умна и послушна, и тебе была преданна. Я видела в ней надёжного человека, а моё собственное тело с каждым годом стареет, поэтому я походя научила её вести хозяйство, доверяла ей. Кто бы мог подумать, что она станет всё более бесцеремонной, будет действовать самовольно, проявлять недальновидность и совершать недостойные поступки. Теперь, похоже, пришло время забрать у неё власть над домом».

«Внук считает, что так и должно быть. Хотя это дела внутреннего двора, но они затрагивают многое, и нельзя больше позволять ей так мелочно действовать».

«Так кому, по-твоему, Чанцзе, можно поручить ведение хозяйства? Я действительно стара, сердце желает, но сил не хватает».

Цзинь И сказал: «Сестрица Жэньлань тоже выросла, и в будущем, когда она выйдет замуж, ей необходимо будет уметь вести хозяйство. Старая госпожа, повысьте её».

Старая госпожа кивнула и засмеялась: «Ты такой заботливый брат. У меня тоже были такие мысли, но Лань-эр всё равно выйдет замуж. Если я её обучу, а она уйдёт, что тогда делать? Нужно будет обучить ещё кого-то, лучше обучать вместе».

Цзинь И спросил: «У старой госпожи есть кто-то на примете?»

«Да», — старая госпожа не стала говорить прямо, но спросила: «Что думает Чанцзе? Кто ещё подходит?»

Цзинь И сказал: «Пусть старая госпожа решает».

«Тогда пусть будет Синьюэ. Я считаю её очень хорошей, она разумнее Нинсюэ и менее корыстна».

Цзинь И, хоть и был немного удивлён, подумал и сказал: «Так тоже хорошо, если у неё будет место в этом доме, я буду спокоен».

«Если ты действительно не можешь успокоиться и поднимешь её, кто что скажет? Сыжу поручила её тебе, ты не понимаешь её намерений?»

«Старая госпожа знает, когда Сыжу была жива, мы уже собирались выдать эту девушку Синьюэ замуж за моего друга. После смерти Сыжу Синьюэ отказалась выходить замуж. И как же внук мог... Она хочет остаться в поместье, мы не обижаем её, обеспечиваем её едой и одеждой, даём ей место, и только так мы можем поступить».

«Ладно, пусть будет так», — сказала старая госпожа. «За время твоего отсутствия, хотя Мин-эр и не вёл хозяйство, он очень заботился обо мне, Лань-эр и Янь-эре. Я вижу, что этот ребёнок тоже человек честный. Ты... сам хорошенько подумай».

Цзинь И ответил: «Внук понял». Немного помолчав, он добавил: «Впредь, когда старая госпожа захочет собраться всей семьёй, не помешает позвать и Синьюэ с Мин-эром».

Старая госпожа, услышав это, немного удивилась, а затем улыбнулась: «Очень хорошо, очень хорошо».

—